

ПАМЯТИ ИГОРЯ ПАВЛОВИЧА ШАСКОЛЬСКОГО (1918–1995)

IN MEMORY OF IGOR PAVLOVICH SHASKOLSKII (1918–1995)

Ленинградский (петербургский) историк Игорь Павлович Шаскольский закончил свой жизненный путь в 1995 г., и его научные интересы были естественным образом связаны с историей и культурой Северо-Запада России и — шире — с Балтийским регионом. Питерский период его жизни охарактеризован в некрологе, составленном его другом и соавтором М. Б. Свердловым¹. Он закончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета в роковом 1941 г. по отделениям истории и археологии. По состоянию здоровья он не был призван в армию, в 1942 г. был в эвакуации в Ярославле; вернувшись в Ленинград в 1944 г., поступил с аспирантурой. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию по актуальной для послевоенной историографии теме «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг.

¹ Свердлов М. Б. Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995) // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей / Отв. ред. В. А. Шипкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 26. С. 328–335.

XIII века». Тема стала магистральной для научного творчества Шаскольского, сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР (и преподавателя истфака ЛГУ) — в 1965 г., будучи сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР, он защитил докторскую диссертацию «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.» (по монографии, изданной в 1964 г.), на широком историческом фоне он исследовал экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. (монография с таким названием вышла в 1998 г.); более раннему периоду сложных отношений Руси с соседями в Прибалтике посвящена монография «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.» (Л.: Наука, 1978).

Археологическое образование (этим направлением в годы обучения Шаскольского в ЛГУ руководил знаменитый исследователь приладожских курганов В. И. Равдоникас) позволило И. П. Шаскольскому профессионально использовать данные археологии для исследования истории. В 1970 г. в Ленинграде вышла этапная для отечественной скандинавистики коллективная монография «Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв.», редакторами которой были Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский. Монография открывалась статьей И. П. «Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв.», и сама ранняя датировка «связей» указывала на включение данных археологии и нумизматики для решения исторических проблем. Специально археологии были посвящены статья Л. С. Клейна и участников его «варяжского» семинара, что было прорывом в советском источниковедении.

В официозной советской историографии принято было огульно отрицать какое-либо воздействие норманнов (варягов) на развитие Руси: такова была установка борьбы с космополитизмом, сформировавшаяся в послевоенные годы; «норманская теория» оставалась главным жупелом для

этой историографии². Итоговой археологической работой считалась по преимуществу «вещеведческая» статья главы московской археологической школы А. В. Арциховского «Археологические данные по варяжскому вопросу», основанная на докладе, прочитанном им на Всемирном конгрессе историков в Риме еще в 1955 г. и переизданная в 1966 г.: учет отдельных категорий скандинавских вещей обнаруживал несущественное воздействие норманнов на развитие материальной культуры Руси³.

Иным был подход в «варяжском» семинаре, руководимом Л. С. Клейном на кафедре археологии ЛГУ: его участники ориентировались на комплексный подход с учетом наработок скандинавских коллег по погребальному обряду. Этот подход выявил значительное присутствие выходцев из Скандинавии на поселениях Древней Руси и способствовал созданию источниковой базы для понимания не только экономических (когда находки интерпретировались как торговые импорты), но и этнокультурных процессов.

Разработки семинара Клейна стали известны в 1960-е гг. и вызвали беспокойство у властей ЛГУ: Л. С. Клейн подробно описал события, связанные с дискуссией по варяжскому вопросу на истфаке конце 1965 г. в книге «Спор о варягах»⁴. Молодые энтузиасты археологи, в последующие более либеральные времена ставшие сотрудниками кафедры археологии ЛГУ и Института археологии⁵, намеревались продемонстрировать свои новые походы к проблеме, партийное руководство должно было дать традиционный отпор новым веяниям, каковой был поручен уже маститому историографу И. П. Шаскольскому. Накануне готовящейся баталии И. П. успел издать книгу

² См. из новых работ: Шнифельман В. А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб., 2024.

³ При обсуждении моей диссертации, посвященной «погребальному культу языческой Скандинавии» в 1975 г. Арциховский признавал необходимость исследования целых погребальных комплексов, а не отдельных вещей.

⁴ Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументация сторон. СПб., 2009. С. 93–142.

⁵ Изложение начиналось с анализа подходов знаменитого шведского археолога Тура Арне, ныне «реабилитированного» как классика восточноевропейской археологии — см. подготовленное Н. А. Кренке издание его классической работы: Арне Т. Швеция и Восток: Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов / Пер. с франц.; отв. ред. Н. А. Кренке. М., РАН, 2023.

«Норманская теория в современной буржуазной науке», ответственным редактором которой был немало потерпевший от официозных властей специалист по средневековой историографии О. Л. Вайнштейн (М.; Л.: Наука, 1965)⁶. Самый большой раздел книги был посвящен «теории норманской колонизации в работах норманистов-археологов»: существенно, что серьезный анализ построений зарубежных исследователей стал возможен в период «оттепели», когда готовилась эта книга; в менее либеральные времена такое изложение подходило под обвинение в немарксистском «объективизме». Издание оказалось весьма востребованным для формирования новых подходов к «варяжскому вопросу», хотя необходимые для прохождения книги слова о борьбе с норманизмом были сказаны — Л. С. Клейн, признавая, что книга Шаскольского стала «значительным шагом вперед» на фоне застойной советской историографии⁷, поименовал И. П. «стыдливым антинорманистом»⁸, в противовес радикальному антинорманисту А. Г. Кузьмину. Монография И. П. Шаскольского, по свидетельству участников семинара Л. С. Клейна, снабдила исследователей «достаточно полной и четко систематизированной библиографической и историографической разработкой археологических источников по варяжскому вопросу»⁹; в ней были поставлены и методические вопросы этнической атрибуции археологических находок и комплексов, ставшие «предметом активного обсуждения во время дискуссии, состоявшейся 22 декабря 1965 г. на историческом факультете Ленинградского университета»¹⁰.

Нехарактерная для советской историографии открытая дискуссия вызвала ажиотаж, аудитория в ЛГУ была переполнена, А. Г. Кузьмин в позднейшей

⁶ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

⁷ Клейн Л. С. Спор о варягах. С. 107.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. статей. Л., 1970, с. 226.

¹⁰ Булкин Вас. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1987. Вып. 3. С. 14; см. подробнее: Джексон Т. Н., Плимак Е. Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (в связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6. С. 35–57.

реакции на эту дискуссию предположил даже существование скрытой договоренности между дискутантами (впрочем, конспирологические конструкции свойственны радикальным направлениям в «анти норманистской» историографии¹¹). И. П. Шаскольский в своем выступлении, сохранившемся конспект которого опубликовал Клейн¹², отчасти признал достижения зарубежной скандинавистики на уровне «буржуазной» науки, способной обнаружить внешнее воздействие на историческое развитие Руси: ее научные наработки были использованы антисоветской пропагандой. Марксистский подход демонстрирует базовое значение внутренних социально-экономических процессов.

В докладе, написанном для международного симпозиума по «Варяжским проблемам», который должен был состояться в Дании в 1968 г. (международные обстоятельства не позволили осуществить встречу), Шаскольский предложил свое видение перспектив современной полемики по норманнской проблеме. Он отметил значительное расширение археологической источниковой базы в работах советских археологов (в сравнении с данными, которые использовал Арциховский), обнаружение новых комплексов скандинавского происхождения, настаивая на том, что проблему нельзя рассматривать с позиций науки XIX в. (В. Томсен и др.) и для ее продуктивного исследования необходимы усилия специалистов разных специальностей из разных стран¹³.

Продолжением этой исследовательской тенденции стала статья И. П. Шаскольского и М. Б. Свердлова о культурных связях России и Швеции в Средние века: в статье подчеркивается особая интенсивность этих связей в раннесредневековый период и учитываются наработки скандинавских

¹¹ См.: Клейн А. С. Спор о варягах. С. 99. Последователь Кузьмина В. В. Фомин замечает, что в своей марксистской критике норманизма Шаскольский «не без умысла» подменяет термин «варяги» термином «норманны»... (Фомин В. В. Варяги в варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. С. 158).

¹² Клейн А. С. Спор о варягах. С. 102–106.

¹³ Šaskol'skij I.P. Recent developments in the Normanist controversy // Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. Copenhagen: Munksgaard, 1970. P. 21–49.

археологов, в том числе Т. Арне, Х. Арбмана, считавшихся тенденциозными норманистами в официозной историографии¹⁴.

Историками школы Б. Д. Грекова (к которой принадлежал и И. П. Шаскольский) упор делался на изучении внутренних факторов, а потому формирование Древнерусского государства рассматривалось ими как результат многовекового процесса социально-экономического развития восточнославянского общества, протекавшего на огромном пространстве от Ладоги до низовьев Днепра и от Карпат до бассейна Оки и нижней Волги. Как подчеркнул в статье 1978 г. И. П. Шаскольский, совершенно очевидным был тот факт, что радикальные социально-экономические изменения на столь огромной территории не могли быть результатом деятельности отрядов чужеземных пришельцев-завоевателей, даже если бы эти отряды состояли не из сотен, а из тысяч воинов¹⁵.

С именем И. П. Шаскольского связано возрождение исследовательского интереса к культурным связям с древней Скандинавией, поскольку под его редакцией в одном из первых томов знаменитой серии «Древнейшие государства на территории СССР» (ныне — Древнейшие государства Восточной Европы) было издано собрание архивных материалов выдающегося специалиста по древнеисландской литературе Е. А. Рыдзевской¹⁶. Создателем и главным редактором всей серии был коллега (с аспирантских времен) и друг Шаскольского В. Т. Пашуто¹⁷, составителем книги трудов Рыдзевской — М. Б. Свердлов.

Научное творчество И. П. Шаскольского не сводилось к историографии: он был непременным участником Конференций по изучению истории,

¹⁴ Свердлов М. Б., Шаскольский И. П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв.// Скандинавский сборник XXX. Таллин, 1986. С. 113–125.

¹⁵ Шаскольский И. П. Антимаркизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвузовский сборник. Л., 1978. С. 48.

¹⁶ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М., 1978.

¹⁷ «Наследница» В. Т. Пашуто Е. А. Мельникова продолжает эту традицию возрождения классических работ по скандинавистике: под ее редакцией вышла уже в 2021 г. книга датского слависта А. Стендер-Петерсена «Варангика» (см. об этом издании: Петрухин В. Я. Классика филологии в свете историографии начальной Руси: В связи с выходом книги: А. Стендер-Петерсен «Варангика: историко-филологические изыскания» // Славяноведение 1922. № 2. С. 25–38).

экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Конференции отличались живыми и порой ожесточенными дискуссиями по поводу понимания и методов интерпретации источников — исторических, археологических, литературных. На последней в его жизни XII конференции, проходившей в Москве в 1993 г., И. П. небезосновательно отрицал историческую возможность миграции новгородских словен из земель прибалтийских славян. За этой расхожей по сей день теорией, как правило, скрывается традиционное для стереотипного «антинорманизма» стремление объявить западными славянами варягов (вагров) и русь. Другой установкой Шаскольского было утверждение, что «норманнская теория является безусловно научной» и «содержит немало серьезных аргументов в свою пользу»¹⁸. Столь однозначная формулировка вызывает желание продолжить дискуссию, но в продолжении дискуссии и есть смысл развития всякой науки.

Петрухин В. Я., Институт славяноведения РАН

¹⁸ Шаскольский И. П. Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах Юго-Восточной Прибалтики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Т. I. М., 1993. С. 98–101.